

Статья посвящена архитекторам-шестидесятиникам, внесшим вклад в развитие архитектуры Иркутска, но по разным причинам покинувшим его. На основе рассмотрения объектов, спроектированных В. М. Аптекман, В. Н. Банитом, В. С. Воронежским, Л. Г. Крупской, В. А. Павловым, Е. Б. Пхором, Л. М. Резвяковой, В. А. Чемерисом до и после отъезда, делаются выводы о влиянии иркутской школы на формирование творческого почерка авторов.

Ключевые слова: советский модернизм; XX век; историческое наследие; Иркутск; архитектура науки. /

The article is devoted to architects of the sixties who contributed to the development of architecture in Irkutsk and who left it for various reasons. Studying the projects designed by V. M. Aptekman, V. N. Banit, V. S. Voronezhsky, L. G. Krupskaya, V. A. Pavlov, E. B. Pkhor, L. M. Rezvyakova, V. A. Chemeris before and after their moving to other cities, the author makes conclusions about the impact of Irkutsk school on the formation of the architects' creative manner.

Keywords: Soviet modernism; XX century; historical heritage; Irkutsk; architecture of science.

Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров / The impact of Irkutsk architecture school on its masters' unique manner

текст
Константин Антипин /
text
Konstantin Antipin

Точкой отсчета в формировании иркутской школы можно обозначить 1960 год. Тогда, добившись коллективного распределения, в город приехали восемь выпускников МАРХИ, среди которых В. С. Воронежский, В. М. Аптекман, Л. М. Резвякова, В. А. Чемерис, Е. Б. Пхор и Л. Г. Крупская. Годом ранее начал работать в Иркутске киевлянин С. Д. Нечволодов, теперь к нему присоединился однокурсник В. Ф. Бух. В последующие годы из разных городов продолжают прибывать все новые архитекторы и инженеры, в их числе и ленинградец В. А. Павлов, сыгравший значительнейшую роль в создании новой архитектурной идентичности Иркутска. Прибытие архитекторов и включение их в работу важно для Иркутска как города. Но для Иркутска как уникальной региональной школы интересно и то, что происходило в творчестве ее «учеников» после отъезда. Ведь, оставляя Иркутск, они не оставляли профессию и продолжали проектировать. Любопытно рассмотреть, насколько повлияла работа в Иркутске на их авторский стиль.

Одним из первых выпускников МАРХИ 1960 года, покинувших Иркутск, стал Е. Б. Пхор. За шесть лет пребывания в Сибири он успел поработать над генпланами Слюдянки, Нижнеудинска и Усолья-Сибирского. Но главным иркутским объектом Пхора стало Ново-Ленино и его четвертый микрорайон. Из-за отсутствия должного финансирования на комплексную застройку района архитектор буквально увяз в разрешении бытовых проблем жителей, принимая их с жалобами у себя дома [1]. Поселившись в собственном детище, молодой архитектор на себе испытал все тяготы новоселов, вынужденных мириться с отсутствием инфраструктуры. Излишки производства ангарского домостроительного комбината, которыми руководство Иркутска решило покрыть дефицит жилья, позволяли сооружать лишь дома серии I-335. Общественные здания: школы, детские сады, больницы и поликлиники – требовали больших размеров окон и высоты потолков. В меру своих сил Пхор пытался разрешить хотя бы часть проблем ново-ленинцев и в нарушение СНиПов спроектировал детский сад из панелей жилого дома.

По возвращении в столицу, устроившись в Моспроект-1, архитектор продолжил работать над градостроительными проектами новых районов массовой жилой

застройки. Особое место среди них занимает Орехово-Борисово. Будучи главным архитектором проекта детальной планировки района (рис. 1), Пхор предложил сделать его центр линейным и кроме стандартного набора общественных учреждений разместить в нем места приложения труда – КБ, НИИ, безвредную промышленность, техникумы и училища. Все они составляли единую пространственную плиту с общими парковками в подземном уровне, вычислительными центрами, столовыми и прочим обслуживанием. По центральной оси комплекса тянулась пешеходная эспланада, далее пересекавшая Борисовские пруды и заканчивавшаяся на высоком берегу Москвы-реки видом на Коломенское, Новоспасский монастырь и Кремль. Хотя архитекторам удалось добиться решения о строительстве предприятий следующей пятилетки в центре жилого района, возможности для их комплексного проектирования в виде задуманной Пхором пространственной плиты на тот момент у московских проектных институтов не было. И все-таки территорию начали застраивать отдельными производствами, институтами и учебными заведениями, таким образом обеспечив часть населения района местами приложения труда.

С противоположной стороны от линейного центра микрорайоны примыкали к Царицынскому парку. Чтобы сохранить виды на дворцовый ансамбль, высотная застройка была смещена вглубь массива, а первую линию заняли малоэтажные здания детских садов и школ. К парку как рекреационной зоне от центра тянулись через жилые микрорайоны пешеходные бульвары. Однако и их, и оставшиеся клочки земли вокруг детских учреждений в последующие десятилетия «уплотнили» домами высотой в полтора-два раза большей, чем у застройки прежних лет. Таким образом, в 1980-х жилой массив все же вторгся в видовые панорамы Царицынского дворца, что особенно обидно, учитывая редкость внимания к этой проблеме для начала 1970-х.

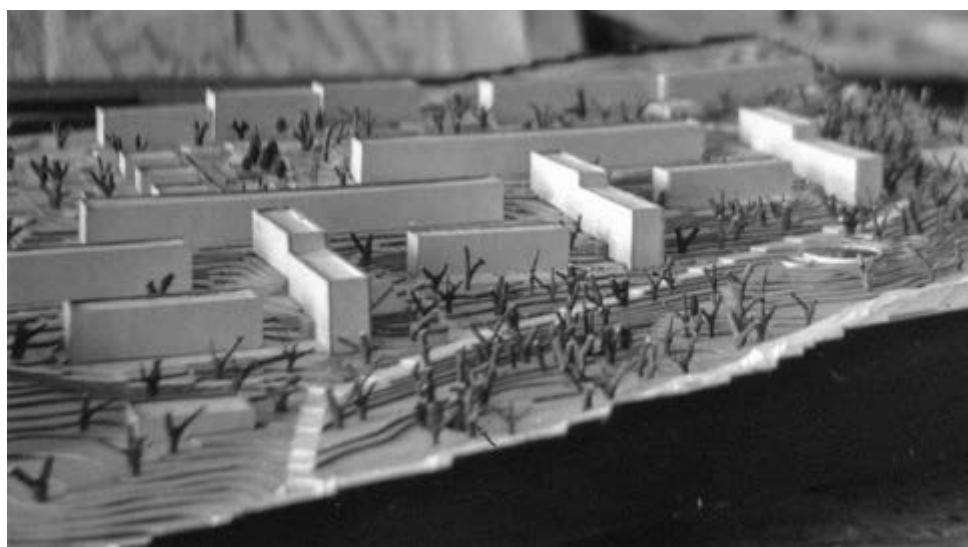
В 1974 году Пхор перешел на работу в институт «МосжилНИИпроект», где руководил комплексной реконструкцией кварталов в центре Москвы. Ключевым принципом в подходе архитектора стало отношение к жителям как к заказчикам проектирования: при перепланировке

^ Рис. 2. Макет комплексной реконструкции квартала № 91 в центре Москвы. Архив Е. Б. Пхора

v Рис. 1. ПДП района Орехово-Борисово (Строительство и архитектура Москвы. 1971. № 9)

> Рис. 4. Район Синюшина гора в Иркутске, макет.
Архив М. В. Чемериса

домов квартиры делались исходя из состава каждой семьи. Большой успех завоевала работа над кварталом № 91, расположенном на Кузнецком Мосту. Конец 1980-х – время осознания ценности не только отдельных зданий как памятников, но и среды в целом. И предложенный проект отвечал этому веянию, предлагая относительно сбалансированные и универсальные решения проблем старого фонда. Одним из новшеств команды Пхора, позволивших завоевать внимание прессы, стал макет реконструируемого квартала в крупном масштабе 1:200, созданный молодым А. Р. Асадовым и наглядно демонстрирующий все детали застройки (рис. 2) [2].

Параллельно с мастерской Е. Б. Пхора темой исторического центра в 1970-е начали заниматься А. Э. Гутнов и З. В. Харитонова, работавшие в Институте Генплана. Они вынашивали идею создания в Москве пешеходных зон, предлагая разные улицы, которые могли бы подойти для этой цели. Заручившись поддержкой Михаила Посохина, Алексей Гутнов и Зоя Харитонова в 1979 году разрабатывают технико-экономические обоснования планировки пешеходной зоны на Арбате. Для дальнейшей работы в посохинском Моспроекте-2 создается специальная мастерская № 9, в которую в качестве главного архитектора проекта приглашают Пхора, а вместе с ним и его команду, работавшую над кварталом на Кузнецком Мосту. Ради Арбата архитекторы оставляют прежний проект незавершенным. Здесь они вновь применяют принципы реконструкции, сформулированные ранее, и не ограничиваются приведением в порядок фасадов домов, выходящих непосредственно на пешеходную улицу, как это предлагалось Гутновым. Вновь поставив во главу угла интересы жителей, они при этом уделяют внимание истории каждого дома, досконально изучая архивные материалы, чтобы избрать наиболее правильное решение. Однако спустя три года все материалы и исследования по проекту были уничтожены, а Е. Б. Пхор уволен из института. Началась реализация пешеходной зоны по «потемкинскому» сценарию [3].

В. А. Чемерис с женой Л. М. Резвяковой занимались проектами планировки и застройки ряда районов Иркутска и городов области. Людмила Резвякова работала над Байкальском, а Виктор Чемерис – над районами

< Рис. 3. Первая пешеходная улица Иркутска с индивидуальными светильниками. Архив М. В. Чемериса

Усолья-Сибирского. Среди его ранних проектов для самого Иркутска Предместная площадь. Вместе с Виктором Нemiшевым Чемерис в начале 1960-х создал несколько вариантов застройки этой части центра города. Ни один из них в работу не пошел, как, впрочем, не были реализованы и проекты, созданные в последующие десятилетия под руководством Владимира Павлова. Резвяковой же создана первая пешеходная улица Иркутска, а точнее переулок Связи, соединявший площадь Труда перед цирком с административным центром города на площади Кирова. Для этой и ряда других прогулочных артерий Чемерис придумал индивидуальные опоры фонарей (рис. 3). До наших дней не сохранились ни пешеходная зона, ни светильники, ни название переулочка, в 1967 году переименованного в честь летчика Богданова. Помимо

^ Рис. 5. Фонтан в общегородском центре Пушино. Фото Константина Антипина

этой улицы Резвякова в рамках работы над ПДП центра Иркутска занималась планировкой кварталов вдоль 1-й Советской, Декабрьских Событий и Свердлова. Также над ПДП центра работал и Чемерис: его предложение о развитии и расширении культурного центра было поддержано В. Н. Симбирцевым и внесено в генплан города.

Кроме того, Виктор Чемерис в Иркутске занимался проектами ряда жилых районов: участвовал в проектировании Лисихи и вместе с М. И. Пятовым начинал работу

над проектом застройки 4-го поселка ГЭС, позднее ставшего микрорайоном Юбилейным. Но наиболее полно им был реализован проект жилого района Синюшина гора на западной окраине города, где впервые в иркутской практике нашла применение постановка жилых домов на рельефе по ортогональной сетке (рис. 4). В начале 1960-х в Иркутске приходилось довольствоваться скудным ассортиментом выпускаемых в то время типовых домов, не дававших ни возможности сочленения зданий в повороте, ни строительства выше пяти этажей. Однако в дальнейшем заданные здесь принципы получили развитие в Солнечном, Первомайском и Университетском микрорайонах, где появились непрерывные структуры переменной этажности с пристроенными в торцах объектами обслуживания.

Одновременно с работой над крупными градостроительными проектами в Горстройпроекте, а затем в Иркутскгражданпроекте Чемерис на общественных началах занимался благоустройством центра города – проектировал новые скверы, озеленение улиц, цветочное оформление и оборудование. Благодаря этой работе, в 1962 году Иркутск занял первое место по благоустройству в РСФСР. Также на протяжении последующих лет В. К. Чемерис с архитектором С. Д. Нечволодовым и скульптором О. Н. Ряшенцевым вел работу над памятником борцам революции у Белого дома – он был открыт в 1965 году.

После переезда в Москву Виктор Чемерис устраивается на работу в мастерскую № 11 Моспроекта-1, где уже работал Евгений Пхор. Там они вместе занимались проектированием районов на юге Москвы: Нагатино, Царицыно, Бирюлево, Орехово-Борисово. С завершением работы над последним и после ухода из института Пхора в середине 1970-х Чемерис перешел в мастерскую № 19 Каро Шехояна, отвечавшую за юго-восток столицы. Наиболее масштабный проект, выполненный Чемерисом здесь, – реконструкция Кузьминок. Застроенный в основном 5-этажными панельными домами первого этапа индустриального домостроения, район уже в 1970-х годах собирались серьезно обновлять. Однако от этого проекта, законченного к 1976 году, реализовано лишь два дома, достроенных в 1990-е. Сегодня пятиэтажная застройка все еще ожидает сноса – уже по современной програм-

> Рис. 7. Скульптуры Олега Ряшенцева в лабораторном корпусе Института биофизики в Пушино. Фото Константина Антипина

< Рис. 6. Лабораторный корпус Института биофизики в Пушино. Фото Константина Антипина

ме реновации. В том же, 1976 году Чемерис разработал ПДП центральной части Тынды на БАМе (различные города и поселки магистрали проектировали организации из разных регионов России и союзных республик, и за Тынду, столицу БАМа, отвечала Москва).

Из более поздних градостроительных работ архитектора масштабом выделяются генплан и проекты микрорайонов подмосковного Красногорска, а также ПДП нового московского района Жулебино. В 1990-е он участвовал в проекте воссоздания храма Христа Спасителя. Людмила Резвякова после переезда в Москву работала в Гипрогоре над генеральными планами городов по всей России: Саранск, Свердловск, Вольск, Белгород, Минеральные Воды, Ессентуки... С 1986 года она участвовала в разработке «Схемы расселения на территории РСФСР» и схем районной планировки Иркутской, Костромской и Куйбышевской областей.

Также в 1967 году в Москву уезжает Л. Г. Крупская. Для Иркутска она в первую очередь важна как пионер в области проектирования каркасных общественных зданий. По ее проектам в городе возведены Институт иностранных языков, здания треста «Востокэнерго-монтаж», Гипрохлора, проектных институтов «Гипролестранс» и «Гипросовхозстрой», «Востоксантехмонтаж» и ВАМИ. В столице Лариса Крупская устраивается на работу в ГипроНИИ АН СССР – головной институт в области проектирования НИИ, лабораторий и крупных научных комплексов. Первое время она занимается московскими объектами: известно о ее участии в 1967 году в графическом оформлении проекта палеонтологического музея [4], а также о помощи в работе над зданием Президиума АН СССР в мастерской у своего однокурсника Андрея Звездина. Собственные же проекты Крупской были реализованы в Пушино (подмосковный научный центр биологических исследований), куда она и переехала жить. Одной из первых ее работ в местной проектной мастерской ГипроНИИ стал декоративный бассейн с фонтаном в общественном центре. На протяжении десятилетий он был символом города, но сейчас не функционирует (рис. 5). С него сняли беломраморную облицовку, и в связи с планируемой программой благоустройства над ним нависла угроза уничтожения.

^ Рис. 8. Проект реконструкции кварталов вокруг ул. Малой Бронной. Архив Е. Б. Пхора

> Рис. 9. Байкальский луч. Фото Константина Антипина

Главным пущинским объектом Крупской стал лабораторный корпус института биофизики – полностью индивидуальный и самый крупный проект, реализованный ею после переезда из Иркутска. Из-за ошибки строителей здание не имеет парадного входа, в него попадают через воздушный переход сбоку (рис. 6). Квадратный в плане двухэтажный объем в центре пронизывает огромный аквариум. К сожалению, на сегодняшний день он не работает, но зато широкое пространство вокруг заполнено выразительными скульптурами Олега Ряшенцева (рис. 7). Уже упомянутый выше в контексте работы над памятником у Белого дома Ряшенцев, однокурсник Крупской и других «иркутян», после второго курса ушедший из МАРХИ в Строгановское училище, но затем также поехавший работать в Иркутск [5]. В тяжелые для творческих личностей времена застоя Ряшенцев нашел свой путь и способ делать актуальные политически острые работы эзоповым языком. В отсутствие денег и собственной мастерской он, сидя на чердаке института, ценой огромных усилий и собственного здоровья из металлолома создавал уникальные скульптуры, часть которых осталась украшать интерьеры института.

В 1990-е годы Лариса Крупская работала в архитектурном бюро «САМ» Евгения Пхора. Там ею были выполнены проекты двух частных жилых домов, оба построены. Также вместе с Пхором и Чемерисом она участвовала в создании проекта реконструкция района Малой Бронной (рис. 8), где ими был внедрен экспериментальный метод участия населения в коммерческом использовании территорий своих кварталов. Однако реализован этот проект не был. Сам Пхор к тому времени тоже перебрался жить в Пущино.

v Рис. 10. Эскиз культурного центра в Иркутске. Архив семьи Воронежских

И все же, уехав в Москву еще в 1960-е, Пхор, Чемерис и Крупская не успели застать расцвета иркутской архитектуры, пришедшегося на последующие годы. Во многом этот расцвет был определен градостроительными проектами Вячеслава Воронежского. Как и другие архитекторы, он много работал над генпланами и ПДП городов по области: Зима, Черемхово, Нижнеудинск, Усолье-Сибирское, Шелехов... Но наиболее интересными и желанными были редкие проекты для самого Иркутска. Воронежскому удалось поработать сразу над несколькими такими, и, что наиболее ценно, все они в той или иной степени реализованы. При этом архитектор всегда шел несколько дальше, чем того требовало задание. Для проекта жилого района Верхний бьеф Воронежский создал концепцию Байкальского луча – трассы, пронзающей новые жилые микрорайоны на полуостровах вдоль берега Ангары (рис. 9). Таким образом Иркутск устремился к Байкалу, не концентрируясь в историческом центре, а оставив его одним из звеньев в длинной цепочке линейного города. Идеей эта концепция близка руслу расселения, представленному группой НЭР на Миланской триеннале 1968 года. Распределившиеся в Иркутск выпускники МАРХИ учились и защищали свои дипломы вместе с НЭРовцами, а Воронежский и Пхор на первых курсах посещали организованный Алексеем Гутновым кружок. Более того, по воспоминаниям Евгения Пхора, само название – «новый элемент расселения» – было придумано Вячеславом Воронежским. Несмотря на то что в дальнейшем их пути разошлись: НЭРовцы занимались теоретическими изысканиями, а «иркутяне» желали реализовывать свои проекты на практике, общение и взаимное влияние продолжалось на протяжении долгих лет.

^ Рис. 12–13. Застройка блок-секциями в центре Иркутска. Фото Константина Антипина

Другой крупный градостроительный проект Воронежского, определивший развитие Иркутска, – Культурный центр. В конце 1960-х в городе появилась необходимость размещения ряда зданий, часть которых несла культурные функции. Возникла идея их объединения в цельный архитектурный ансамбль, для строительства которого был выбран склон между улицами Парковой, 3-го Июля, Седова и Советской. Поскольку на момент создания проекта для этой территории не был разработан ПДП, то работу над форпроектом Воронежский решил начать с создания схемы связей центра города. В ней он определил все параметры площадки как связующего звена между существующими торговым и административным центрами в исторической части города и районами перспективной застройки. Затем вместе с В. И. Немишевым они подготовили два варианта архитектурно-планировочной организации группы объектов первоочередного строительства – Музыкального театра, библиотеки, киноконцертного зала, информационного центра, Дворца бракосочетаний с танцевальным залом, рестораном и кафе [6]. После внесения замечаний и отказа от первоочередного строительства киноконцертного зала был разработан третий вариант Культурного центра, соавтором Воронежского в котором стала его жена Валерия Аптекман.

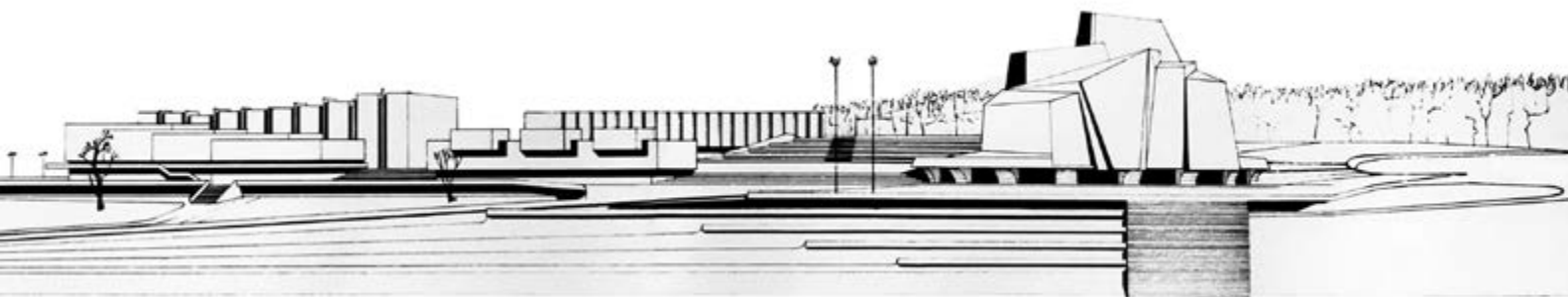
Во всех трех вариантах здания предлагалось расставить вокруг небольшой площади. Важной доминантой комплекса обозначалась Крестовоздвиженская церковь (рис. 10). В первых двух вариантах внешняя сторона ансамбля, обращенная к ней, компоновалась из простых крупных форм, контрастирующих с ее барочной архитектурой. Третий вариант, наоборот, попытался «подружить»

новые здания с историческим памятником: во-первых, комплекс отступил дальше от храма, оставив между ним и новыми зданиями буферную зону с сохраненной деревянной застройкой; во-вторых, фасады получили более мелкое членение, приближенное по масштабу к деталям церкви (рис. 11). Такое изменение в отношении к наследию может быть связано именно с участием Аптекман.

Ее главная работа в Иркутске – проект Центрального микрорайона, ограниченного улицами Карла Маркса, Ленина, Дзержинского и Литвинова. После того как на опорном плане Аптекман обозначила ценные исторические здания и деревья, которые хотела сохранить, образовались извилистые свободные участки. Для их застройки она предложила использовать специальные блок-секции: комбинируя несколько их видов, можно было получать дома самых разных конфигураций, подстраивающихся под непростые условия центра города (рис. 12, 13). При этом архитектура этих зданий особым образом вторила силуэтам старой застройки. Несмотря на то что проект Центрального микрорайона не был реализован, блок-секции применены в двух кварталах центра и микрорайоне Звездочка на левом берегу Ангары.

Однако начинали работу в Иркутске Валерия Аптекман и Вячеслав Воронежский с проектирования микрорайонов Лисихи. Именно для их застройки Аптекман доказала, что объем земляных работ при постановке домов поперек и вдоль спада рельефа сопоставимы [7]. Впоследствии это дало возможность строить ортогональные жилые структуры на рельефе – от Синюшиной горы и до Университетского. Кроме того, в том же Центральном микрорайоне Аптекман предложила пристраивать детские сады

v Рис. 11. Развертка третьего варианта форпроекта Культурного центра в Иркутске. Архив семьи Воронежских

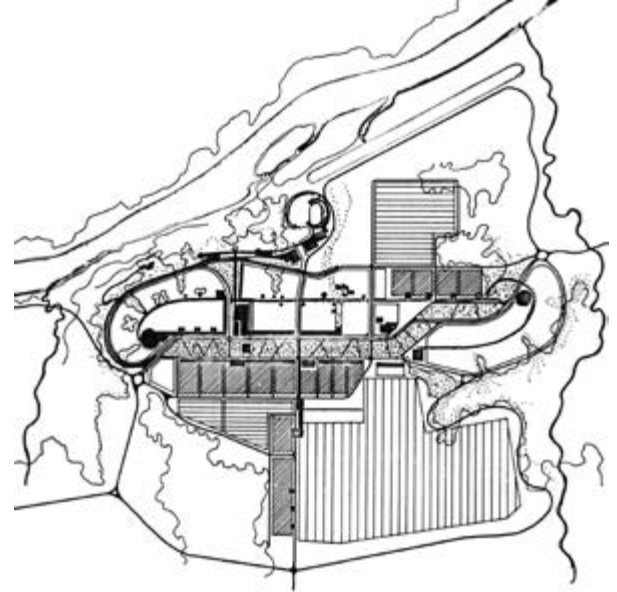

^ Рис. 14. Жилой дом в микрорайоне Д Пушино. Фото Константина Антипина

к жилым домам, что также нашло применение в более поздних проектах.

В 1970 году Воронежский и Аптекман покидают Иркутск. Вслед за Ларисой Крупской они переезжают в Пушино. ПДП Верхнего бьефа к этому моменту был принят, дальнейшую работу над застройкой района продолжили Владимир Павлов, Владимир Бух и другие. Разработкой отдельных зданий Культурного центра также занимались архитекторы Иркутскгражданпроекта, а в числе авторов Музыкального театра, который проектировался в ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений, был Александр Кудрявцев, еще один однокурсник маршистов-иркутян [8]. Работа над блок-секциями для застройки центра на момент отъезда еще не была окончена, и Аптекман продолжила проектировать их удаленно. В самом же Пушино по проектам Валерии Воронежской (после переезда она взяла фамилию мужа) были построены блок общего назначения института почвоведения и фотосинтеза, оранжерея Института физиологии растений, музыкальная школа, питомник лабораторных животных ФИБХ. Помимо этого, ею был спроектирован частный дом, в котором до сих пор живет семья Воронежских. Одним из последних реализованных проектов Валерии Марковны стал жилой дом в микрорайоне Д, построенный с использованием красного кирпича и сборного железобетона (рис. 14).

Пушино – научный городок, строившийся в чистом поле на высоком берегу Оки с конца 1950-х годов. Его первый генплан, созданный в 1956 году под явным влиянием идей Н. А. Милютина [9], задал ленточную структуру планировки: зоны отдыха, жилья и научного труда последовательно сменяют друг друга при подъеме со стороны реки. Как талантливый градостроитель с уникальным опытом реализации масштабных проектов, Воронежский в 1971 году возглавил местную мастерскую ГипроНИИ АН СССР и начал работу над новыми генпланом и ПДП города. В них можно вновь увидеть влияние актуальных идей НЭР: подобно представленному на Всемирной выставке 1970 года в Осаке городу-улитке, микрорайоны Пушино закручивались в вытянутые спирали (рис. 15). Но не меньший интерес, чем градостроительство, представляет архитектура зданий, спроектированных Воронежским.

^ Рис. 15. Схема генплана Пушино. Архив семьи Воронежских

Одна из первых его работ здесь – жилые дома в микрорайоне Г с просторными балконами-двориками у квартир первого этажа, расположенного над образованным перепадом рельефа цоколем, в котором разместились предприятия обслуживания (рис. 16).

Стараясь придать городу индивидуальное лицо, архитектор стремился к повсеместному использованию красного кирпича, в отличие от Иркутска бывшего здесь большой редкостью. Венцом этих устремлений стал микрорайон АБ с группой жилых домов, школой и детским садом, построенным по индивидуальным проектам (рис. 17). И если работа над школой велась московским ЦНИИЭП учебных зданий, то детский сад «Сказка» Воронежский проектировал в мастерской ГипроНИИ. В этом проекте наиболее явно выступают фирменные черты иркутской школы: многообъемность, использование рельефа для организации пространства, применение скошенных стенок и арок, сочетание красного кирпича и белого бетона (рис. 18, 19). Другой проект Воронежского, в котором особенно чувствуется «иркутский след», – здание дома ученых (рис. 20) – не реализован. Он должен был стать главным объектом общественного центра, фонтан для которого проектировала Лариса Крупская [10]. Однако запрет на строительство общественных зданий, ударивший по реализации объектов культурного центра в Иркутске, оставил посередине Пушино пустую поляну размером с шесть футбольных полей.

Несмотря на то что Пушино строилось во второй половине XX века, в его черте расположена старинная усадьба Пушино-на-Оке. В 1973 году Вячеслав Воронежский и Лариса Крупская вместе с другими архитекторами выполнили проект ее реконструкции. Усадебный дом планировали использовать для проведения научных конференций, а парк включить в рекреационную зону города. Воплощены в жизнь эти планы не были, по сей день усадьба не получила функциональной нагрузки и постепенно разрушается.

Среди других работ Воронежского – пушинский Арбат. В начале 1980-х проводилась реконструкция теплотрассы, для которой потребовалось закрыть движение по одной из улиц города, проходящей через все его микрорайоны. Архитектор использовал эти изначально ути-

^ Рис. 16. Жилой дом в микрорайоне Г Пушино. Фото Константина Антипина

^ Рис. 17. Микрорайон АБ Пушино. Фото Константина Антипина

литарные работы для создания пешеходного бульвара. Символично, что над московским Арбатом, имя которого стало нарицательным для всех пешеходных улиц в СССР, работали одноклассники Воронежского – Евгений Пхор, Алексей Гутнов и Зоя Харитоновна.

Если пешеходный бульвар служил для продольной связи частей города, то тянувшаяся параллельно ему зеленая зона, наоборот, была барьером, отделяющим жилую застройку от институтов. Первую очередь высаживали сотрудники Главного ботанического сада АН СССР одновременно с началом застройки города. К 1970-м годам возникла необходимость ее продления на восток вдоль растущего микрорайона Г и территорий для новых институтов. Воронежский понимал, что, в отличие от шахматной фигуры коня, люди ходят по кратчайшему пути. Поэтому, кроме образующих объемные композиции групп деревьев, высаженных по ортогональной сетке, во второй очереди зеленой зоны архитектор активно использует диагонали как основы планировочной структуры: по ним прокладываются пешеходные тропинки, вдоль них расположена танцевальная площадка, а также здания магазинов в жилой зоне через дорогу (рис. 21). С противоположной стороны, в научной зоне, был реализован последний крупный проект архитектора – здание филиала Института биохимии, открытое в 1987 году. Благодаря руководству Вячеслава Воронежского, участию Валерии Воронежской и Ларисы Крупской Пушино приобрело свой неповторимый облик, сегодня вдохновляющий его жителей на исследование и популяризацию архитектурного наследия.

Отчасти схожую с Воронежским судьбу имеет Владимир Банит. Попав в Иркутск сразу после окончания МАРХИ в 1968 году, он проработал в городе всего четыре года. Однако три из них были посвящены крупному градостроительному проекту, повлиявшему на развитие города, – научно-учебному комплексу, который должен был объединить в себе территории Студгородка и Академгородка, связав их в единое целое. Кроме того, вблизи планировалось создание промышленной зоны с наукоемким производством. Таким образом, в левобережной части Иркутска студенты могли бы принимать участие в научных исследованиях, а ученые внедрять

инновации в производство [11]. Центр НУКа с Домом ученых, библиотекой и спортивным комплексом соединялся мостом с правым берегом Ангары и общегородским культурным центром. На пути к утверждению своего проекта Баниту пришлось преодолеть немало препятствий. Однако комплиментарная статья о нем в «Правде» в итоге позволила добиться одобрения на всех необходимых уровнях. И практически сразу после этого архитектор вынужденно покидает Иркутск, возвращаясь к семье в Москву. Как ни удивительно, но судьба приводит его в ГипроНИИ АН СССР. Он попадает в мастерскую № 1, возглавляемую А. М. Щусевым.

Хотя основной страстью Банита и было градостроительство, в Иркутске он принимал участие в конкурсе на проект здания для ГК КПСС и Горисполкома, следил за работами коллег, восхищался архитектурой Владимира Павлова... Нахождение в кругу мастеров Иркутскгражданпроекта сформировало у Банита узнаваемый творческий почерк иркутского архитектора, который ярко проявился уже в первых зданиях, спроектированных им для научного центра Института биологии внутренних вод АН СССР в Борке. Красный кирпич в сочетании с белым бетоном и деревом, шипцовые крыши, использование булыжника для облицовки цоколей и парапетов – все это есть в созданных Банитом жилых домах, больнице и других зданиях. Но главной задачей архитектора было создание генерального плана поселка. После ее успешного решения Банита переводят на проектирование научного центра физических исследований АН СССР в Красной Пахре (современный Троицк), где он возглавил филиал мастерской № 1. Через какое-то время филиал получил статус независимой мастерской № 11 – подобно возглавляемой Воронежским мастерской № 9 в Пушино.

В Красной Пахре перед Банитом также стояла задача разработки генерального плана (рис. 22). Как и Пушино, этот город начал активно развиваться с 1960-х годов, однако, в отличие от него, Красная Пахра изначально не задумывалась как крупный научный центр, и ее застройка была несколько стихийной. Баниту предстояло определить направления развития научной и жилой зон. Основой планировки города стала ось линейного ускорителя Института ядерных исследований: все основные

^ Рис. 18–19. Детский сад «Сказка» в Пущино. Фото Константина Антипина

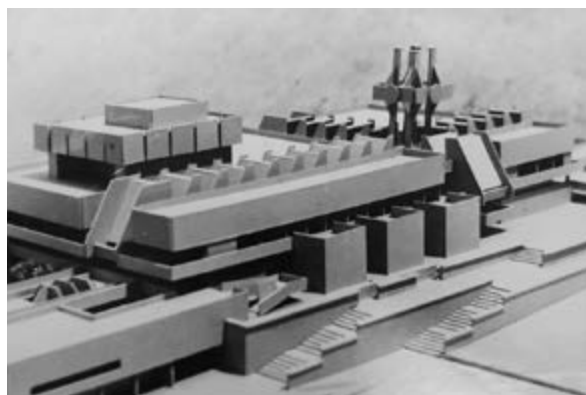
артерии города проектировались параллельно или перпендикулярно ей. Научно-исследовательские институты и полигоны отделялись от селитебной части лесопарковым поясом, выполняющим защитную и рекреационную функции. Протекавшую на севере города речку Десну Банит называл маленькой Ангарой. Кроме того, оглядываясь на иркутский опыт, архитектор предложил организовать на базе научного центра физический университет и наукоемкое производство [12]. Далеко не все дошло до реализации, однако в полном соответствии с замыслом Банита построен микрорайон Б. Жилая застройка велась по типовым проектам и в основном из панелей, однако высотные 16-этажные дома архитектор придумал ставить на индивидуально спроектированные кирпичные цоколи, в которых размещались различные предприятия: почта, ЗАГС, дом быта, проектная мастерская ГипроНИИ... Они обладают интересной архитектурой, насыщенной деталями, и делают городскую среду более человеческой. Среди редких полностью индивидуальных проектов Банита можно выделить общественно-культурный центр с выставочным залом, домом книги и кафе, построенный в микрорайоне Б, – его вынесенная в центр площади лестница, поднимающаяся вокруг плоской стены с круглым окном, задуманная для размещения огромных часов, стала одним из символов города.

Роль Владимира Павлова в становлении иркутской архитектурной школы трудно переоценить: за четверть

века работы в городе он вместе с другими молодыми архитекторами прошел путь от следования принципам Корбюзье к собственной уникальной архитектуре, сложившейся в контексте исторического наследия и природных особенностей Иркутска [13]. Именно павловские здания были образцом и мерилom, на которое равнялись его соратники и ученики. Не зря иркутскую школу называют павловской – имя и работы архитектора знали далеко за пределами региона. Жилой дом ВСЖД на берегу Ангары (рис. 23) стал лучшим объектом на Всесоюзном смотре-конкурсе 1987 года, однако годом ранее, построив этот объект, Павлов покинул Иркутск [14]. Из более поздних работ архитектора известен лишь один жилой комплекс (рис. 24) в Санкт-Петербурге, куда Павлов вернулся после двух лет работы в Херсоне. В многообъемной, асимметричной композиции блоков, этажность которых нарастает к центру, Павлову удалось развить идеи, ранее закладываемые в дом на набережной, а также нереализованный комплекс на Предместной площади. Архитектор вновь использует полюбившийся ему мотив арки, а также выступающее над уровнем крыши остекление балконов, впервые примененное в здании вычислительного центра Госбанка (в 1990-е этот прием активно использовали ученики Павлова).

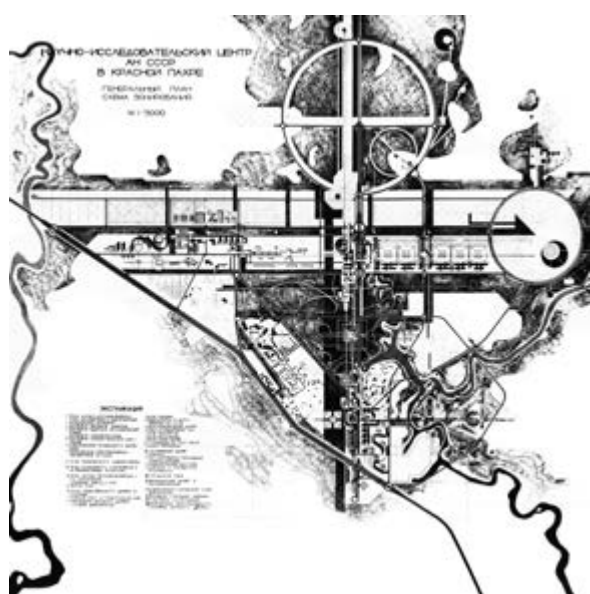
Иркутская школа в основном обязана своим формированием совсем не иркутянам, но именно город с его климатом, рельефом, сейсмикой и историческим багажом

> Рис. 20. Дом ученых в Пущино, макет. Архив семьи Воронежских

> Рис. 21. Вторая очередь зеленой зоны в Пущино. Фото Константина Антипина

^ 22. Генплан научного центра в Красной Пахре (Троицк).
Архив В. Н. Банита

^ Рис. 23. Дом на набережной в Иркутске. Фото Константина Антипина

сделал ее такой уникальной. И если на покинувших Иркутск до расцвета местной школы архитекторов пребывание здесь повлияло не так сильно, то в работах мастеров, заставших реализацию первых масштабных и смелых проектов конца 1960-х годов, «иркутский след» просматривается особенно явно. Их труд в городе задал вектор дальнейшего развития местной архитектуры, а также повлиял на формирование собственного творческого почерка.

Литература

1. Пхор, Е. Б. Наш Иркутск, предыстория // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 204–213
2. Коршунова, Н. Эксперимент на Кузнецком мосту // Правда. – 1979. – 27 апр.
3. Бусева-Давыдова, И. Л., Нащокина, М. В., Астафьева-Длугач, М. И. Москва: архитектурный путеводитель. – М.: Стройиздат, 1997. – 512 с.
4. Автобиография // Яковенко Леонид Аронович [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jakol.ru/bio.html> (дата обращения: 20.02.2020)
5. Выставка работ скульптора Олега Рышенцева // Телеканал «ТВС Пушино» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tv-tvs.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2509&Itemid=37 (дата обращения: 20.02.2020)
6. Иркутскгражданпроект. Форпроект застройки культурного центра г. Иркутска. Пояснительная записка. – Иркутск, 1968.
7. Бух, В. Ф., Григорьева, Е. И. Владимир Павлов. – Екатеринбург: TATLIN, 2013. – 136 с.
8. Кудрявцев, А. П. Под сенью Аалто, Кана и Павлова // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 120–129.
9. Милютин, Н. А. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 81 с.
10. Воронежский, В. С. Пушино – город науки, город для человека // Архитектура СССР. – 1984. – № 4. – С. 44.
11. Бух, В. Сигнал в будущее // Проект Байкал. – 2005. – № 5. – С. 54.
12. Платонов, Ю. П. Архитектурные решения объектов АН СССР. – М.: Наука, 1986. – 183 с.
13. Антипин, К. С. Территория свободы Владимира Павлова // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 140.
14. Владимир Азариевич Павлов // Проект Байкал. – 2010. – № 26. – С. 28–31.

References

- Antipin, K. (2019). Vladimir Pavlov's territory of freedom. Project Baikal, 16(59), 140. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1448>
- Bukh, V. (2005). Signal v budushchee [A signal to the future]. Project Baikal, 2(2), 9. doi: 10.7480/projectbaikal.2
- Bukh, V. F., & Grigoryeva, E. I. (2013). Vladimir Pavlov. Yekaterinburg: TATLIN.
- Buseva-Davydova, I. L., Nashchekina, M. V., & Astafieva-Dlugach, M. I. (1997). Moskva: arkhitekturnyi putevoditel [Moscow: Architectural guide]. Moscow: Stroizdat.
- Irkutskgrazhdanproekt. Forproekt zastroyki kulturnogo tsentra g. Irkutsk. Poyasnitelnaya zapiska [Irkutskgrazhdanproekt. Draft project for the development of the cultural center in Irkutsk. Explanatory notes]. (1968). Irkutsk.
- Korshunova, N. (1979, April 27). Eksperiment na Kuznetskom mostu [Experiment on Kuznetsky Most]. Pravda.
- Kudryavtsev, A. (2019). Under the shade of Aalto, Kahn and Pavlov. Project Baikal, 16(59), 120-129. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1445>
- Milyutin, N. A. (1930). Sotsgorod. Problema stroitelstva sotsialisticheskikh gorodov [Socialist city. The problem of construction of socialist cities]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
- Pkhor, E. (2014). Our Irkutsk, the background. Project Baikal, 11(39-40), 204-213. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.684
- Platonov, Yu. P. (1986). Arkhitekturnye resheniya obyektov AN SSSR [Architectural solutions for the USSR AS buildings]. Moscow: Nauka.
- Russkova, E. (2012, July 13). Vystavka rabot skulptora Olega Ryashentseva [Exhibition of works by sculptor Oleg Ryashentsev]. Telekanal "TVS Pushchino". Retrieved February 20, 2020 from http://www.tv-tvs.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2509&Itemid=37
- Vladimir Azarievich Pavlov (2010). Project Baikal, 7(26), 28. doi:10.7480/projectbaikal.26.154
- Voronezhsky, V. S. (1984). Pushchino- gorod nauki, gorod dlya cheloveka [Pushchino, a science city, a city for people]. Arkhitektura SSSR, 4, 44.
- Yakovenko Leonid Aronovich (n.d.). Autobiography. Retrieved February 20, 2020 from <http://www.jakol.ru/bio.html>

в Рис. 24. Жилой комплекс Владимира Павлова в Купчино (Санкт-Петербург). Фото Константина Антипина